

ОТ АВТОРА

Многим миллионам людей, находящимся под властью религиозного гипноза, совершенно непонятны классовая сущность религии и классовая природа религиозных организаций. Конечно, если бы миллионы рабов капитала скорее поняли подлинную физиономию религии и всех религиозных организаций, тогда быстрее происходил бы отход трудового народа от власти религиозного дурмана. Мы часто говорим, что религия — опиум народа, что церковь — орудие духовного угнетения трудящихся, однако подобного рода положения будут убедительны лишь тогда, когда они будут доказаны примерами из жизни. Пережитые нами события дают много яркого материала для разрешения этой задачи. И в то же время бросается в глаза, что в этой области сделано исключительно мало.

Изучая вопрос о роли религиозных объединений в годы гражданской войны, автору удалось познаться с некоторыми материалами, свидетельствующими о контрреволюционной деятельности церковников и в частности о работе духовенства в органах белогвардейских контрразведок на юге при Деникине и Врангеле. Эти данные на ряду с воспоминаниями очевидцев ярко говорят о том, кому служило и для кого работало духовенство. Вместе с тем эти страницы из деятельности церковни-

ков дают нам сведения об одной из наиболее темных сторон работы религиозной контрреволюции.

Но подлинную картину этой работы восстановить трудно. Ведь как раз материал такого рода являлся «совершенно секретным» и уничтожался. Много пропало, многое скрыто... Что сохранилось — сохранилось случайно. Правда, через годы можно будет многое тайное сделать явным.

Указывая в настоящем очерке на ряд фактов из области верной службы духовенства в органах контрразведок, автор одновременно считал целесообразным для полноты картины дать краткую характеристику деятельности контрразведок, привести ряд фактов о полицейско-охранительной работе духовенства при самодержавии и вместе с тем, в общих чертах напомним о политической роли духовенства на юге в годы гражданской войны. Таким образом содержание настоящей брошюры несколько шире ее заглавия. Автор не видел в этом большой беды, так как на этом фоне контрразведочная деятельность духовенства будет понятнее. Для этой же цели использованы воспоминания очевидцев. Весь этот материал может служить еще одной иллюстрацией для выявления классовой сущности религиозных учреждений. Деятельность сектантства и других неправославных религиозных организаций в настоящем очерке не освещается. Этому вопросу будет посвящена одна из следующих работ. Уже после того, как была написана настоящая брошюра, удалось получить сведения о новых фактах. Осветить их — дело будущего.

БЕЛОГВАРДЕЙСКИЕ КОНТРА- РАЗВЕДКИ НА ЮГЕ в 1919-1920 гг.

В аппарате белогвардейского управления Деникина и Врангеля деятельность контрразведок имела важное значение. Работа этих учреждений заключалась в собирании сведений о 'положении' в Советской республике, о Красной армии, а также—и это самое главное—органы контрразведок имели назначение наблюдать за революционным движением на территории белогвардейских банд и бороться с этим движением. Таким образом белогвардейские контрразведки являлись органами информации, политического сыска и подавления революционного движения рабоче-крестьянских масс тех местностей, которые были захвачены белыми. Само собой разумеется, основная задача контрразведок заключалась в борьбе с главным врагом помещиков и капиталистов, с коммунистической партией, работавшей при белых в условиях подполья, жестоких преследований и свирепой расправы.

Главное управление контрразведок принадлежало генерал-квартирмейстеру штаба Деникина. Это учреждение называлось «Контрразведывательной частью управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего вооруженными силами на юге России».

Оно состояло из «Розыскного отделения», «Судного отделения», «Общего отделения» и конвойной команды. В этом учреждении по штату должно было состоять 74 белогвардейца. В действительности их число было значительно больше.

Аппарат контрразведывательных отделений был весьма разветвленным. Соответствующие учреждения имелись при каждой армии, при военных губернаторах, при правительстве донском, кубанском, терекском, при многих политических белогвардейских организациях и даже при отделе пропаганды.

Вся территория, захваченная белыми, была покрыта густой сетью белогвардейских охранок. Одни из них (в более населенных местностях) имели большее количество «работников», другие — меньшее. Они разделялись по разрядам. Так, например, контрразведывательный пункт 3-го разряда состоял из 7 офицеров, 3 писарей, 1 унтер-офицера и 5 рядовых, а «контрразведывательный пост» — из начальника отделения (обер-офицера) и «заведывающего наружным наблюдением». При этом необходимо иметь в виду, что при каждом таком пункте состояла целая сеть секретных и полусекретных сотрудников, филеров, шпииков, сыщиков.

Стоит заметить, что эти охранники, эти ценные псы контрреволюции получали значительные оклады. Ведь не зря же они выполняли свою грязную работу. Официально установленная ставка начальника добровольческой контрразведки составляла 25.200 руб. в год, его помощника — 15 тыс. руб., а заведывающего агентурой — 12 тыс. руб.

Словно черная паутина, покрывали контрразведки все местности, где властвовали белые. В их лице эксплуататорские классы, буржуазия и поме-

щики имели верное оружие для борьбы с коммунистической партией. Шпионаж, провокация, пытки арестованных, массовые расстрелы — все это применялось в самом широком масштабе. И там, где были представители Антанты, белогвардейские контрразведки действовали заодно с ними. Белая охранка была боевым оружием реакции и международного капитала.

Следует твердо помнить о классовом составе персонала контрразведок. Руководящая роль здесь принадлежала деятелям полиции, корпуса жандармов и охранных отделений царского правительства. По проекту генерал-квартирмейстера Добровольческой армии, как сообщает в своих воспоминаниях Деникин, на работу в контрразведку предполагалось целиком привлечь бывший жандармский корпус. Эта организация работала сообща с «государственной стражей», как называлась при белых полиция, являвшаяся одновременно «внутренней армией», армией, созданной для подавления внутреннего революционного фронта.

Чтобы не быть голословными, укажем ряд фамилий. В органах контрразведки подвизались, например, такие лица, как бывший жандармский генерал Комиссаров, бывший директор департамента полиции царского правительства Климович, жандармский ротмистр Будаковский, видный сотрудник царской охраны полковник Варламов и т. д. и т. п. В городе Ростове при комендатуре начальником контрразведки являлся штабс-капитан Глинский, бывший помощник пристава. Начальником отряда особого назначения Добровольческой армии был ротмистр Баранов, бывший жандарм.

Первоначально начальником контрразведывательного отделения штаба главнокомандующего вооруженными силами на юге России являлся полковник С. Н. Ряснянский. Когда Добровольческая армия взяла ст. Кавказскую, было взято в плен около 3 тысяч красноармейцев, больных сыпным тифом и раненых. Всех этих красноармейцев, как рассказывает в своих воспоминаниях т. Бобрик, полковник Ряснянский приказал расстрелять. Это распоряжение было исполнено. Позднее, при Врангеле, в работе по организации политического сыска руководящую роль исполняет вышеуказанный полицейский генерал Климович, царский сенатор. Этот Климович был арестован еще Временным правительством, затем после Октябрьской революции бежал из Советской республики, находился некоторое время в Сербии, и оттуда как «хороший техник сыска» (выражение Врангеля) был приглашен в Крым, и здесь его назначили начальником особого отдела и руководителем полиции.

Система работы контрразведок восприняла опыт царских охранок. К работе было привлечено все самое грязное и темное. Агенты контрразведок были везде: в армии, среди пленных красноармейцев, в школах, в тылу и на фронте, а самое главное, — их старались иметь среди рабочих. Характеризуя формы работы одной из одесских контрразведок, т. Ингулов пишет: «Эти новые формы не блистали ни находчивостью, ни изобретательностью, они сохранили в общем все формы старой царской охранки, но были только жесточе, примитивнее и бесчеловечнее в своей хамской прямоте. Сеть шпионов была очень густая. Впоследствии, по выходе из подполья, ознакомившись со списком полусекретных сотрудников одного только отдела

государственного розыска, я насчитал их свыше 200. Секретных было, вероятно, не меньше. Это лишь в одной контрразведке (Новосельская, 64), а контрразведок в Одессе было несколько¹. «Техника политического сыска, — рассказывает в своих воспоминаниях белогвардейский журналист Г. Раковский, — была доведена в Крыму до высокой степени совершенства. Недостаточно уже было того, что тыл и фронт были насыщены агентами охраны. В некоторых случаях население теперь официально приглашается к анонимным доносам. Сами же контрразведки чувствуют себя прямо всемогущими»².

Контрразведки имели теснейшую связь с монархическими партиями, паходившимися на территории белых. Ведь многие заправилы контрразведок сами были в числе их членов, и эти партии давали им «верных работников». Организации монархистов, — пишет в своих воспоминаниях И. Калинин, — «всегда действовали в тесном контакте с контрразведкой»³.

Белогвардейская охранка не терпела за собой никакого наблюдения и контроля. «Контрразведка эпохи Деникина, — говорит Калинин, — представляла из себя таинственное, самодовлеющее учреждение, куда не имело право заглядывать прокурорское око. То ли она делала, что ей поручалось законом, или что-либо другое, этого никто не знал... За приведением в исполнение судебных при-

¹ С. И н г у л о в, Под знаком антантовской цивилизации стр. 5.

² Г. Раковский, Конец белых.

³ И. Калинин, Русская Вандея, стр. 216.

говоров почти никто не наблюдал: между тем о воспрещенных законом жестокостях, совершаемых при этом, ходили меденящие душу рассказы. Бывали случаи, когда в окрестностях Ростова находили трупы зарубленных, валявшиеся прямо на поле или на дороге, и принимали их за жертвы разбойников, вследствие чего протоколы попадали к следователям. И лишь потом выяснялось, что это — трупы казненных. Новочеркасский начальник гарнизона ген. Яковлев однажды приезжая в прокуратуру и жаловался на то, что калмыки-палачи, потерявшие человеческий облик, слишком глумятся над осужденными»¹.

Известен случай, когда добровольческая охранка обвинила в «большевизме» даже офицеров сербской миссии, арестовала их и посадила в тюрьму. Одному из них, подпоручику Слаби, 28 мая удалось послать своему начальству рапорт, опубликованный затем в «Вольной Кубани» в номере 128 от 7 июня 1919 г. При поддержке союзников сербские офицеры были освобождены. Этот пример свидетельствует, как нагло и развязно действовали белогвардейские охранки.

При обысках революционеров и «подозрительных по большевизму» агенты контрразведки творили всевозможные насилия и издевательства. Тут же происходило самое открытое воровство. Такую картину обыска в квартире старика-рабочего в г. Таганроге дает т. Бобрин.

«Однажды в недобрый час в дверь скромного жилища Пахомова раздался сильный стук. Зычный гоним за дверь орал:

¹ И. Калинин, Русская Вандея, стр. 214.

— Эй, открывай, красная сволочь!

Дверь слетела с петель, и в комнату ворвались контрразведчики.

— Где сын? — последовал вопрос.

— Не знаю, — отвечал отец.

— А, не знаешь! — ревел золотопогонник из Донской, — так вот тебе! Будешь знать!

Сокрушительные удары кулаками и нагайкой посыпались на старика. Жену Пахомова, пытавшуюся защитить мужа, свалили на пол и топтали каблуками сапог.

Сплеывая кровь от побоев, отец Пахомова твердил одно:

— Не знаю, ничего не знаю.

В контрразведке Пахомова полосовали шомполами несколько дней.

Не добившись желаемого результата, перевезли затем в тюрьму.

Целый месяц палачи истязали несчастного Пахомова и, не получив признания, выпустили.

Седым стариком, калекон-инвалидом вышел Пахомов из рук контрразведчиков...¹

На заседании одесской комиссии по раскопкам и похоронам жертв контрреволюции одна из подпольных работниц т. Покровская следующим образом описала картину своего ареста контрразведкой:

«... Меня пришли арестовать ночью. Около 2 часов ворвалась в мою комнату группа офицеров. Их было 8; с бомбами и револьверами в руках они набросились на кровать (нас было двое) и стали допрашивать; я сопротивлялась, требуя дать нам одеться; на это один офицер ответил: «сейчас она все скажет», и я ощутила у своего лба холодное

¹ Бобрик, В застенках контрразведок.

дуло револьвера, но, ясно, они ничего не добились. Так продолжался допрос, в постели, около часа, сопровождавшийся невероятной, ухо резавшей бранью, после чего нам разрешили, наконец, одеться тут же, при них, несмотря на убедительные просьбы хотя бы спиной к нам повернуться. Затем, одновременно велся обыск. Какое это было бесстыдство и наглость! Это был не обыск, а просто хищение. На моих глазах уплывали то одни, то другие вещи в карманы добровольческих жандармов. Наконец, находившаяся со мной в комнате т. Залевская этого безобразия не вытерпела и громко заявила, что висевшие над ее столом часы исчезли. Тогда один из офицеров, должно быть самый наглый, сел посреди комнаты и закричал: «Здесь находятся представители Добровольческой армии, и никто не смеет говорить о каких бы то ни было пропажах. Приступить ко вторичному обыску». И опять повторялось прежнее, опять приказание было раздеваться, руками ощупывали все тело, «к которому приклеены документы», по заявлению офицеров. Продолжавшийся три часа обыск, наконец, окончился. Аппетиты унялись, и я покинула свою квартиру. Не думала больше вернуться. Нас повели в контрразведку, и здесь только мы столкнулись лицом к лицу с варварством «Единой неделимой». Пробыли мы в контрразведке 6 дней, это было 6 дней медленного умирания. Нас было несколько человек по одному делу; двоих сильно избивали. Одну из них бросили на пол, раздели, закрыли окно картоном и стали истязать. После экзекуции она, бледная, вся в синяках, вошла к следователю и заявила: «Знайте, что меня сейчас пытали, это у вас так практикуется?» Ему стало неловко, и он заявил, что таких случаев больше не